

Не надо.

Я не хочу больше думать.

1

Уже было больше восьми часов, когда я проснулся от стука в дверь.

Я убрал волосы от лица обеими руками, встал на ноги и простонал.

Я открыл дверь и увидел за ней Микоко-тян. Её привычное энергичное приветствие сменилось застенчивым взглядом, будто просящим прощения.

— Я разбудила тебя? — спросила она.

— Нет. И так уже нужно было вставать, — ответил я, потянувшись. — Доброе утро, Микоко-тян.

— Доброе утро, Ик-кун. Эм... Прости за вчерашнее. Я как бы, эм... похоже, я уснула.

— Да забей. Не забудь только поблагодарить Миико-сан.

— Да, точно. — кивнула она, немного поколебавшись.

— Разве она не хороша?

— Ну, да. Она как бы крутая, как бы ты выразился. Так эта она «мечница-дармоедка», о которой ты говорил?

— А она похожа на тринадцатилетнюю младшую сестру?

— Нет, не думаю. — Она неловко разорвала зрительный контакт со мной и немного помолчала. — Не знаю, практикует ли она фехтование или ещё что, но её одежда была какой-то странной. Она похожа на японскую, но скорее на ту, которую надели бы на фестиваль.

— Ты про её дзинбэй?

— Дзэмбэ? Что это? — Очевидно, что Микоко-тян никогда о нём не слышала. — О, ты имеешь ввиду акулу дзинбэй?

— Эм, ну, да. Ты когда-нибудь видела узор на спине акулы дзинбэй? Он выглядит так, будто она носит такую же одежду. Поэтому мы и называли этот японский костюм дзинбэем, в честь акулы.

— А-а. А ты многое знаешь, Ик-кун, — сказала она. — Нужно будет рассказать об этом Томо-тян и другим.

Ага. А если Томо-тян и остальные не будут такими же грубыми, как я, то они наверняка расскажут ей правду. Зачем я наплёл ей лапшу на уши? Наверно, настала пора всерьёз задуматься над этим.

— Итак, — сказала Микоко-тян, меняя тему разговора, — вы с той девушкой, Асано-сан, близки?

— Она несколько раз спасла меня от голодной смерти. Но потом я спас её от падавшей кучи

антиквариата, так что мы квиты. Те яцухаси, которые ты ела вчера, были и от неё.

— Хм, — протянула она со смешанным выражением лица. — Знаешь, мне не особо нравятся яцухаси.

— Что? О, ты не говорила об этом.

— Они слишком сладкие.

— Хм. Миико-сан нравятся сладости.

— А мне нет.

По какой-то причине она стала немного серьёзнее. Я почесал голову, не зная, к чему она вела.

— Ну, ничего такого в этом нет. Что будешь делать? — сказал я.

— Ну, эм, у меня есть это. — Она достала из сумки подарок, обернутый розовой бумагой. — Это подарок на день рождения для Томо-тян. Я забыла отдать его ей. Большая ошибка, не так ли? Мне стоило отдать его до того, как мы все напились. Меня унесло, пока я пыталась это сделать.

— Тогда почему бы не отдать его сейчас? Она должна быть дома.

— Да, этот план мне по нраву. — Наконец-то, она показала свою фирменную улыбку. — Что ж, спасибо. Давай снова соберёмся вместе.

— Посмотрим.

— Ну почему ты так говоришь?! Давай сделаем что-нибудь!

— Я шучу. Меня устраивает. Если у меня останется время, то я проведу его с тобой, так что прошу, пригласи меня как-нибудь снова, — сказал я.

Я сказал это лишь с целью показаться вежливым, но на меня нахлынуло чувство вины, когда я увидел засиявшее лицо Микоко-тян. Она наверняка разревётся или разозлится, если я снова скажу ей, что я шучу, поэтому я сказал: «Ещё увидимся.»

Она сильно кивнула и покрутилась на месте.

Мне на ум кое-что пришло.

— Эй, Микоко-тян. Позволь мне сказать ещё кое-что.

— Что именно?

— Называй «веспу» Веспой. Оскорбительно называть ей скутером, так что завязывай с этим.

— Ух ты, Ик-кун мне приказывает?! Это всё равно что оказаться в лучшей школе, в которой можно носить что угодно, и увидеть, что все ученики всё равно носят униформу!

— Ты поняла?

— Ух ты, ты такой же страшный, как и Муими-тян... — С виду она действительно слегка испугалась. Но я должен был сказать это строгим тоном, иначе она бы не поняла. — Ладно. С

этого момента я буду осторожной.

Она спустилась по коридору. Дойдя до угла, она обернулась:

— Эй! Я тоже хочу кое-что сказать тебе!

— Что именно?

Она сделала глубокий вдох.

— Моя фамилия — Аой! Не Аои! Я говорила тебе не забывать!

Я хотел сказать ей, что я знал это, но я сразу понял, что я представил её Миико-сан как «Аои Микоко». Миико-сан было тяжело поправить после того, как какая-либо информация вошла в её мозг (благодаря мне она до сих пор считает, что Шекспир — вкус макшейка в Макдональдсе), так что она наверняка всё утро из раза враз называла её «Аои». Возможно, не так уж и часто.

Лично я не видел большой разницы между Аои и Аой, но я решил для себя, что она относительно грубая. Японцы, как и итальянцы, гордятся своими фамилиями.

— Хорошо. Впредь я не забуду. Обещаю.

— Хорошо. Ещё... — Она сделала полуоборот. — У меня нет парня, — кротко добавила она, а затем быстро спустилась по ступенькам, будто пытаясь сбежать.

— Что? — Наверно, со стороны могло показаться, что я был удивлён сильнее обычного.

Хм...

К чему это было?

Возможно, она услышала это от Миико-сан. Я припоминаю такой разговор с ней. Разговор, касающийся того, что Микоко-тян не могла остаться в моей комнате, потому что у неё есть парень. Но Миико-сан, она...

— Я не хожу и разбрасываюсь всеми мельчайшими подробностями.

Ничего себе. В какой-то момент она встала передо мной.

— Похоже, у нас тут парочка, кричащая в ветхой квартире. Не серчайте, если все услышат вас из своих комнат: всё здание сбежится, если так кричать.

— Хех...

— А теперь мне пора на работу. Понадеемся, что твоя однокурсница научится оценивать свои преимущества и недостатки, — сказала она и пошла по коридору, шаркая. Слово «ярость», написанное на спине её синего дзинбэя, немного пугало. Похоже, они с Микоко-тян не сошлись спокойно. Их имена схожи и всё такое.

Но в данном случае пункт с именами казался спорным.

— Наверно, прошлой ночью она не спала...

Спать стоя — одно дело, но ходить во сне вообще не просто. Сила человеческой расы, доведённая до абсолютного предела, нельзя увидеть в повседневной жизни (точнее, не каждый день она встречается). Возможно, Микоко-тян действительно не спала независимо от того, насколько осознанными были её действия. Наверно, именно поэтому она узнала, что я ошибся в её имени и сказал, что у неё есть парень.

Вполне вероятно, что она не хотела ехать домой. Но она могла бы просто сказать об этом, не притворяясь спящей. Некоторые люди творят странные вещи, подумал я, возвращаясь в квартиру.

2

Пора к делу.

Примерно в тот вечер вся эта история начала становиться тягомотной.

Пока я сидел в своей комнате и читал толстую книгу, которую я взял из библиотеки университета, в мою дверь бешено постучали. Вполне естественно было бы разозлиться из-за того, что кто-то прерывает твой тихий час подобным образом, но, уже привыкнув к подобному, я не был особо зол. Думая, пришёл это ко мне тот чёртов пятнадцатилетний брат снова просить у меня денег, я открыл дверь.

— Ох.

Это был мужчина постарше вместе с женщиной, которую я никогда не видел.

В этом мужчине было нечто особенное. Ему наверняка было больше тридцати лет, и был он не столько высоким, сколько длинноногим. Более того, его волосы были зачёсаны назад. Что ещё страннее, даже в такую жару он носил чёрный костюм и галстук. Весьма пугающе-странный способ одеться. Он даже солнцезащитные очки надел. Будь он иностранцем, я бы испугался, думая, человек ли он в чёрном, пришедший стереть мне память.

Женщина, с другой стороны, была одета в чуть более обычный костюм с узкой юбкой. У неё были прямые чёрные волосы, и была она относительно красивой. Но её взгляд не был обычным. Без единого намёка на сдержанность, ожидаемого, когда ты впервые кого-то видишь, её глаза встретились с моими. Её взгляд был пронзительным.

Она сделала шаг вперёд.

— Прошу, — сказала она, показав мне свой полицейский жетон. — Я Саса Сасаки из Первого следственного отделения полиции Киото. — От такого имени можно было язык ненароком прикусить. Похоже, её родители были до жути причудливыми.

— Эм, здравствуйте. — Я слегка поклонился.

Женщина, Сасаки-сан, казалась слегка удивлённой моей реакцией. Наверно, мне следовало проявить большее удивление, но беглого взгляда мне хватило, чтобы понять, что эти двое были полицейскими. Я не мог себе представить, чтобы эти два индивида с каменными лицами были не полицейскими.

Мужчина издал смешок и показал свой значок:

— Икаруга Кадзухито из того же отделения. Не возражаете, если мы ненадолго зайдём? — Было ясно, что это требование в форме вопроса. Будучи подростком, я ощутил желание отказать им, но Кадзухито-сан вряд ли позволил бы мне сделать это.

— О, эм, ну, конечно. Но здесь не просторно.

Я пригласил их внутрь. Они явно удивились тому, что комната внутри была маленькой, как я и сказал, но они не отреагировали на это, сохраняя хладнокровие. Будь я их начальником, я бы их повысил. Конечно, так не было, поэтому мне было всё равно.

— Прошу, присаживайтесь, — сказал я. Я налил воду в две чашки и поставил их перед ними. Как и Микоко-тян накануне, они не прикоснулись к чашкам.

— Скажем кратко, — сказала Сасаки-сан, строго смотря на меня. — Эмото Томоэ-сан мертва.

— Ох. — Я налил себе воды и сел перед ними. — Правда?

— «Правда?» Это всё, что ты скажешь? — Сасаки впервые раскололась.

— Эм, да, я не особо проявляю эмоции. Внутри я шокирован до глубины души, так что не обращайтесь внимания.

И к этому моенту я уже привык к подобному.

Но я был действительно шокирован. Отчасти потому, что Томоэ-тян убили, и отчасти потому, что я предположил, что они пришли ко мне поговорить и Дзэродзаки, в тот же миг, когда я увидел их снаружи.

Мне и полегчало, и подурело. В моём животе будто столкнулись противоречивые чувства.

— Эм, можно ли предположить, что она умерла не при обычных обстоятельствах, раз уж к этому делу уже прикрепили следователей? Не говоря уже о том, что вы из Первого следственного.

Это если учесть, с какими делами обычно работает Первое следственное отделение.

— Да, это верно, — кивнула Сасаки-сан. Серьёзность выражения её лица была настоящей.

— К этому часом не причастен «бродяга»?

Она покачала головой:

— Нет.

— И вправду.

Внутри меня будто что-то сдулось. Мне полегчало. Не знаю почему, но я быстро переключился на другую мысль.

— Тогда что произошло?

— Её тело нашли сегодня утром. Её задушили.

— Задушили?

Удушение.

Эмото Томоз.

Убита..?

Моё сердце будто замёрзло.

Смерть скольких людей я уже увидел? С какого момента я перестал считать мёртвых друзей? Впервые я столкнулся со смертью задолго до того, как у меня появились воспоминания.

— К последнего раза прошёл уже месяц? Это точно новый рекорд.

Сасаки-сан бросила на меня косой взгляд. Он полностью отличался от косых взглядов Микоко-тян, а её поза, источающая интеллект, была лишена какого-либо очарования. Опять же, за всю свою жизнь я ни разу не видел позу, источающую и милоту, и интеллект, ни у мужчины, ни у женщины.

— Ты что-то сказал?

— Нет, просто говорю с самим собой. Я часто так делаю. Порой мне говорят, что я девятнадцатилетний монолог, способный одеваться и ходить.

Сасаки-сан устроил такой ответ, но она не показала ничего больше ухмылки.

Вдруг я заметил, что Кадзухито-сан пристально смотрел на моё лицо. Я молчал.

Любопытно.

Это объясняло, зачем ему солнцезащитные очки. Сасаки-сан вела все разговоры, а Кадзухито-сан наблюдал. Это была чудесная бессмыслица. Настоящий шедевр.

Похоже, я был главным подозреваемым.

— Тогда это имеет смысл. Я был с ней всю ночь.

— Ты что-то сказал?

— Нет, всего лишь ваша старая-добрая бессмыслица. — Я сел прямо. Я не нервничал, но, видимо, пришла пора стать немного серьезнее. — Если её убили, то кто это сделал? — спросил я.

— Это сейчас выясняется. Говоря честно, именно поэтому мы и пришли сюда сегодня, — сказала Сасаки-сан.

«Тогда расскажите мне,» — хотел сказать я, но воздержался, чтобы не спровоцировать её.

— Ты был в квартире Эмото-сан с примерно шести часов вечера до полуночи. Верно?

— Да.

— Не мог бы ты назвать имена других людей, которые были тогда в то время, для проверки?

— Эм. — Удачи, память. — Эмото Томоз-сан, Атэмия Муими-сан, Аои... нет, Аой Микоко-сан и

Усами Акихару-кун. И я.

— Ты уверен?

— Да.

— Ты пришёл вместе с Аой-сан. Верно?

— Да. Аой-сан сперва пришла ко мне — то есть сюда, — затем мы вместе пошли к Эмото-сан. Было примерно шесть часов вечера.

— Конкретнее? Это было до или после шести часов?

— До.

Она заваливала меня вопросами. Ограничения скорости обработки моего разума были превышены уже давно, и моя голова уже кружилась.

— Значит, все гости были там к тому времени...

— Прошу, подождите минутку, — перебил я. — Я не могу сосредоточиться, пока меня вот так закидывают вопросами. Мне кажется, что я упоминал это, но всё это меня немного спутало.

— Ох, прошу прощения за это, — сказала Сасаки-сан. Это было самое неискреннее извинение из всех.

Следующий час я провёл, отвечая на нападки в форме вопросов и извергая каждую мельчайшую деталь из событий прошлой ночи. Всё, о чём мы говорили во время вечеринки. Обстановка на вечеринке. Мой поход в магазин вместе с Муими-тян. Моё возвращение. Уход Акихару-куна и Муими-тян примерно в одиннадцать. То, как Акихару-кун передал Томо-тян подарок незадолго до этого. Подвеска. Мой разговор с Томо-тян после этого. Мой уход из квартиры с Микоко-тян на спине. Телефонный звонок от Томо-тян примерно в то же время, когда мы дошли до станции Нисиодзи, улицы Накадатиури. Как я оставил Микоко-тян у Миико-сан, потому что мне показалось, что она спит (я не знал, было оно так или нет). И как я уснул. Как Микоко-тян ненадолго зашла ко мне утром. Остаток дня, в течение которого я читал.

Я не упомянул о том, какое напряжение я испытывал от Кадзухито-сана, палившегося всё это время на меня из-за плеча Сасаки-сан, в то время как она сама по себе сильно пугала. Мы просто сидели и разговаривали, но я ощущал, что потратил впустую огромную часть энергии. И была ещё замечательная последняя фраза от Сасаки-сан:

— Хорошо. Пока что это в целом сходится с тем, что мы уже слышали.

Чёрт, а она молодец.

Показалось, что цепочка вопросов пока что прервалась.

— Хм, — промычала Сасаки-сан с озадаченным лицом. Но нечто подсказывало мне, что это было показухой. Если Микоко-тян можно назвать человеком без ширм, то эта женщина имела лишь ширмы, причём их так много, что они казались её истинной натурой. С ней явно будет нелегко общаться.

— А что насчёт того звонка? — сказала она, приставив палец к виску. — Она действительно ничего не сказала? Согласно показаниям Аой-сан, Эмото-сан попросила её передать телеон

тебе, из чего следует, что ей было что сказать тебе.

— Она начала что-то говорить, но она этого не сказала. Она просто сказала: «Не бери в голову,» — и повесила трубку.

— Ты уверен?

— Да.

— И на том конце провода была именно Эмото-сан?

— Да. Я никогда не путаю голоса людей, которых я знаю.

Она обменялась взглядами с Кадзухито-саном за ней. Похоже, они закончили с вопросами и уже собирались уходить, но я не мог просто сидеть на месте в тишине.

— Эм, Сасаки-сан, можно задать вопрос?

— Что?

Её безэмоциональное лицо снова дало слабину, что естественно. Было бы страннее, если бы она не удивилась тому, что какой-то подросток внезапно обратился к ней по имени.

— Меня кое-что беспокоит.

— Ага... — Она ещё раз обменялась взглядами с Кадзухито-саном. Он ответила лишь небольшим опусканием челюсти. Видимо, знак согласия. Сасаки-сан обернулась ко мне. — Хорошо.

Это согласие, скорее всего, было вызвано не симпатией к мальчику, однокурсницу которой только что убили, а подлой идеей воспользоваться моим вопросом, чтобы заглянуть в меня. Не то чтобы мне было на это не всё равно.

— Эм... случаем не Аой-сан нашла тело?

— Верно, — прохладно ответила она, не давая объяснений. Похоже, они не собирались рассказывать мне больше необходимого, чтобы ответить на мои вопросы. Конечно, они также не ответили бы на все мои вопросы.

Получается, я был прав. Она ушла, чтобы отдать Томо-тян подарок, но ей не ответили. Она поплатилась позвонить, но трубку никто не поднял. У двери в здание был автозамок, но его наверняка было легко обойти. Ей нужно было лишь проследовать внутрь за одним из жителей. Если замок можно так обойти, то его с трудом можно назвать замком.

Хм...

Микоко-тян.

Что она ощущала в тот момент? Она всегда была полна эмоций. Что она могла ощутить тогда?

— Наверно, мне стоило пойти с ней...

Но опять же, откуда мне было знать? При этом я не был уверен в том, что от меня был бы толк, даже если бы я увязался за ней. Я многого не стоил. Я мог просто разозлить её в итоге.

— Это твой единственный вопрос?

— Нет, у меня есть ещё несколько. В какой час она умерла?

— Мы определили, что она умерла где-то между одиннадцатью часами ночи четырнадцатого мая и тремя часами ночи пятнадцатого мая.

— В таком случае... — Мы с Микоко-тян вышли из квартиры Томоэ в полночь, что означало, что преступление было совершено между полуночью и тремя часами ночи. — Эм, и вы говорили, что её задушили? Нож не использовали?

— Именно это я и сказала. — Она прищурила глаза после того, как я упомянул нож. Конечно, я не сказал ей, даже своими глазами, что я знал одного убийцу, орудующего ножом.

— Использовали верёвку?

— Это был тонкий кусок ткани. Скорее всего, она умерла мгновенно от сжатия сосудов. Не думаю, что она сильно мучалась.

Это было самое человеческое из того, что Сасаки-сан пока что сказала. Но для меня вопрос страданий Томо-тян был относительно обычным. Она в любом случае мертва.

Я знал, каково умереть. Это не та смерть, которой боятся люди: это ничто. Боль — всего лишь дополнение, а отчаяние — всего лишь декорация.

— Эм, вы уже приходили ко всем остальным?

— Всем остальным? — ответила Сасаки-сан, хотя она отлично знала, о чём я говорю.

— Ко всем, что прошлой ночью собрался в квартире Эмото-сан. Усами-кун, Атэмия-сан и Аой-сан.

Я задал этот вопрос, ничего конкретного не ожидая. Я понял, что она вряд ли даже ответит. Но на моё удивление она ответила немедленно:

— Да, приходили, — ответила она. — Мы опросили каждого из них. Твой адрес было непросто найти, поэтому мы пришли к тебе напоследок.

— Чем занимались все остальные в этот промежуток времени, когда Эмото-сан убили?

Ещё один шаг. Я осторожно сделал ещё один шаг вперёд.

Губы Сасаки-сан изогнулись в размытой улыбке.

— Усами-сан и Атэмия-сан сказали, что они всю ночь пели в караоке на перекрёстке Сидзо Каварамати. Что касается Аой-сан, то, ну, говорить, наверно, не нужно.

Да, не нужно. Микоко-тян осталась с Миико-сан. Мне слегка полегчало. Если поверить словам Сасаки-сан, то выходит, что у всех трёх подозреваемых есть алиби. Акихару-кун и Муими-тян могут положиться лишь друг на друга, так что их алиби нельзя было назвать крепким, но его было достаточно, чтобы ослабить любые подозрения, направленные в их сторону.

Я ощутил, как давление от взгляда Кадзухито-сана стало ещё сильнее.

— Цок...

Как неприятно.

Довольно поздно я разорвал зрительный контакт с ними.

Чёрт. Они заставили меня сбросить напряжение. Они заставили меня не следить за своими словами. Я был безрассуден. Нельзя было терять бдительность рядом с полицейскими, не говоря уже об этих двух детективах.

Вот дерьмо... что они увидели?

— Это всё? — спросила Сасаки-сан тем же тоном.

— О, нет. Ещё один вопрос.

Если я и ощущал неудачу, то сейчас было самое время. Пронизывающий взгляд Кадзухито-сана казался ничтожным в сравнении с тем, с чем мне предстояло столкнуться. Но эта мелочь так взволновала меня, что я задал вопрос, который я даже не должен был задавать, который мне не стоило задавать.

— По вашему мнению, кто это сделал?

На этот вопрос уже ответили. И я повторил его.

— Сейчас это выясняется, — ответила Сасаки-сан многозначительным взглядом и улыбкой хищника, только что загнавшей свою добычу в угол. Она встала на ноги. — Прости за такое долгое присутствие. Думаю, мы ещё придём, чтобы поговорить. — Она оставила на полу визитку. — Если ты вспомнишь что-то ещё, позвони нам.

Я взял визитку. На ней был номер телефона префектурной полиции вместе с личным номером телефона.

— Ну, не хворай, мистер Студент, — с ухмылкой сказал Кадзухито-сан и начал выходить из комнаты.

Любопытно... так это он тут юлил. Я допустил настолько ужасную ошибку, что больше не мог назвать себя пассивным наблюдателем. Я полностью перепутал правила этих двух детективов.

Другими словами, именно Кадзухито-сан подгонял меня, пока Сасаки-сан впитывала всё, что я скажу.

К тому же Сасаки-сан осознанно не стала защищаться, чтобы я атаковал.

Как нагло. Полнейшая дерзость.

— О, и кстати, — добавила Сасаки-сан, будто она что-то вспомнила. — Насчёт твоего алиби. На данный момент оно было подтверждено твоей соседкой, Асано-сан. Она сказала, что ты слышишь, как люди выходят в коридор из своих комнат.

Она одарила меня улыбкой. Это определённо был шах и мат. Нет, здесь и партии-то не было.

Ей даже хватило наглости бросить мне под конец мелкий кусок сочувствия.

Вот ведь сучка.

Не знаю, произошло ли это потому, что я долгое время не сталкивался с ними, но я недооценил японскую полицию. Неужто моё высокомерие не знало границ? Кем, чёрт возьми, я себя возомнил?

Это был первый раз после моей встречи с красноволосой частницей, когда я ощутил такое поражение.

Я прикусил нижнюю губу.

— Кадзухито-сан, — сказал я ему, пока он выходил.

— Да? — Он обернулся.

— Будь у вас внешность получше, вы были бы точной копией Мацуды Юсаку.

— Полагаю, это означает, что я не точная копия Мацуды Юсаку.

Этот ответ ударил не в бровь, а в глаз. Мой последний беспомощный джеб в его сторону оказался пшиком, и на этом моменте оба детектива ушли. Я помыл чашки и плюхнулся на пол.

Это поражение было решающим. Я уже месяц как не ощущал этого, и за целый год я не ощутил этого так сильно ни разу. Но в данном случае я мог просто оставить эмоции. Думая над фактом того, что кто-то только что умер, я понял, что всё это было слишком обыденно.

— Томо-тян...

Я попытался громко прошептать её имя. В голову первым пришёл наш разговор прошлой ночью.

«Тебе как человеку когда-либо казалось, что ты куча побитых вещей?»

Так, так, Томо-тян, это ведь не то, что кто-либо признает во всеуслышание?

Лучше не знать что-то: это помогает нам жить. Поку мы не знаем многого о себе, мы можем жить счастливо. Нас можно сравнить с самолётом, из которого вытащили двигатель и крылья. Мы всего лишь никчёмные ничтожества, которые могут лишь парить, как вороны, не способные кричать. Всё тут же кончится, когда ты начнёшь задавать вопросы.

Речь идёт не об отрицании. Речь идёт о безразличии.

— Тебя могут убить за то, что ты задаёшь такие вопросы. — Будучи человеком с опытом, я знал, что не я должен извергать пустые слова сочувствия. — Если так подумать, то это будет естественно... человек ты или нет... Точнее, так будет, если ты не будешь ни к чему стремиться.

Осознав это давным-давно, я уже был человеком, живущим без цели, как Томо-тян, бессмысленно прожившая жизнь.

Я закрыл глаза.

И открыл их.

— Ну, так много всего касательно превосходства разума над материей.

Я быстро поднялся на ноги.

А теперь.

Что делать теперь? Я ничего не должен был делать, но хотелось сделать многое. Для меня это состояние было относительно редким.

Сперва я достал свой телефон. Я просмотрел историю звонков, затем начал набирать номер Микоко-тян. Но на середине номера я остановился.

— Правда, кем я, чёрт возьми, себя возомнил?

Это была полнейшая бессмыслица. Если бы я позвонил Микоко-тян, то что я мог бы ей сказать?

Поэтому я не стал звонить ей. Сейчас у меня просто не было подходящих слов, которые можно ей сказать.

— В таком случае...

Я удалил введённые цифры и начал вновь вводить номер телефона. Этот номер был единственным, который я знал наизусть. Приложив телефон к уху, я попытался вспомнить, как долго мы не разговаривали.

Она взяла трубку немедленно:

— О-о-о! Ии-тян! Давно не слышались, старый друг! Ты всё ещё любишь меня?

Её гиперчувствительность превзошла таковую у Микоко-тян в примерно двенадцать раз; как только она спустит тормоза, разговаривать она не закончит никогда, в отличие от Микоко-тян. А если оставить её одну, то она долетит до рая как Вавилонская башня.

— Ну что, ну что, ну что, ну что не так? Ты никогда не звонишь мне! Этот миг монументальный! Это замок Химэдзи! Это наверняка отвлекающий манёвр! Хя-я-я! Я хочу сделать фотографию, чтобы запечатлеть это, но фотография не может записать звук, так что это бессмысленно! В таком случае начать аудиозапись!

— Ты не обязана запариваться с аудиозаписью. — Я постарался сдержаться.

Муими-тян спрашивала у меня, тяжело ли поспевать за скоростной Микоко-тян, но, как я сказал, в сравнении с Кунагисой Микоко-тян была ещё цветочком.

Если Микоко-тян была беспечной, то Кунагиса Томо была безбашенной.

— Томо, ты в ближайшие дни свободна?

— Нет! Скорее, занята. Очень занята. Моим вычислительным мощностям грозит неминуемый крах! Экстренное расширение памяти! Обязательная дефрагментация! Я сейчас зависну! Боже мой, начинается! Начинается! Прогрессирующая в реальном времени форма! Пожалуйста, сделайте перезагрузку!

— Ты о том деле о серийных убийствах в Киото?

— Бинго! Вау-у! Ты как Маки-тян! Или красный контрагент! Кьяха-ха-ха-ха! Возращение эспера! На веки вечные! Сильнейшая среди людей! Это конец!

— Извини, Томо, но не могла бы ты слегка убавить громкость?

— Что? Что не так? Ну да ладно. Да, это дело о серийных убийствах в Киото! Но знаешь что? Всё идёт не так, как я ожидала! Это чёртово дело! Капец! Полный капец! Определённо, убийца — реинкарнация Дредда Джонса! Уаха-ха!

— Давай договоримся, Кунагиса Томо, — сказал я. — Я расскажу тебе кое-что о деле киотского бродяги. А ты мне расскажешь об одном убийстве, которое пришло.

— Что? — она задумалась.

Я знал, что она не спросит у меня, почему у меня есть информация об этом деле или почему я заинтересовался делом об убийствах. Я верил ей, а она доверяла мне.

Необязательные объяснения.

Лишние разъяснения.

Пустые слова.

Глупые вопросы.

Отвлекающая болтовня.

Лучшим в Кунагисе было то, что ей ничего из этого не нужно.

— Эх, мне не нравится эта сделка на словах, Ии-тян.

— А как сделка?

— Ужасно.

— Пакт?

— Уже почти.

— Заговор?

— Технически не неправильно, но что-то не так.

— Ну, а как насчёт взаимного дополнения способностей друг друга?

— Да, это подходит, — радостно ответила она.

Отдай или возьми.

К этому моменту я так и не решил, что выбрать из этого.

Закончив звонок с Кунагисой, я пошёл к Миико-сан. Я постучал в дверь.

— Йоу, — ответила она. Через несколько секунд дверь открыли. Как обычно, она носила дзинбэй. Похоже, думал я, если она так заинтересована японской одеждой, то ей стоит найти хорошее, красивое кимоно. Оно определённо хорошо смотрелось бы на ней. — Нужна помощь?

— Нет, я просто хотел поблагодарить тебя. Мне сказали, что ты поручилась за моё алиби.

— Я не сделала ничего такого. Я лишь сказала правду.

— Да, но я накинул на тебя необязательное бремя.

— Мне плевать. Такое постоянно происходит... но ты точно разобрался и со своими неприятностями, да? — Она скорее удивлялась, нежели сомневалась. — Ты как человек тысячи несчастий. А что насчёт той девчонки? Учитывая, что сказали полицейские, я думаю, что она тоже в этом была замешана.

— Ну, как сказать...

— Поняла, — кивнула она. — И как ты собираешься отблагодарить меня?

— Я угощу тебя чаем.

Это было приглашение отведать настоящий чай в чайной, а не в кофейной. Это что-то вроде киотской темы или темы Миико-сан.

— А к нему подадут данго? — Данго, эти вкусные рисовые клёцки, хорошо шли с зелёным чаем.

— Его подают даже с сируко. — Да, и со сладким супом из красных бобов!

— Где?

— «Охарамэя» в Гионе.

Глаза Миико-сан немедленно зажглись:

— Постой, я соберусь.

Она захлопнула дверь. Что бы там ни было, она была достаточно тактичной, чтобы переодеться в обычную одежду, если ей нужно пойти с кем-то. Такой уровень вдумчивости сделал её весьма редкой особью в моём кругу знакомых.

— А вот и я. — Через минуту она была готова выйти. Она передала мне ключи от машины. Я покрутил их в ладони и крепко сжал их.

4

Так наступило восемь часов вечера. Я закончил пить чай с Миико-сан и оказался между станциями Сидзо и Ойкэ на улице Каварамати. Миико-сан уже доехала до своей квартиры на своём «фиате».

«Только не используй меня, чтобы убить время и поберечь подошвы,» — сказала она мне перед

тем как уехать.

Она могла видеть меня насквозь, ясно. Миико-сан была умна, ясно. Но всё равно нужно было отдать ей должное за то, что она приняла мой приглашение. Она была приятной женщиной. Или она просто сладкоежка.

Я остановился и вошёл в ближайший караоке-клуб.

— Добрый день, — сказал парень у кассы. — Вечеринка на одного?

— Эм, у меня есть друг, который должен был уже прийти.

— Можно узнать имя вашего друга?

— Дзэродзаки Хитосики.

— А-а, Дзэродзаки-сама?

Он быстро что-то ввёл в свой компьютер.

— Хорошо, комната номер двадцать четыре, — сказал он мне, светя улыбкой сотрудника сферы обслуживания. Я поблагодарил его и пошёл к лифту. Двадцать четвёртая комната была на втором этаже. Я вышел из лифта и прошёл по коридору, проверяя номер на каждой комнате.

— Да-да-да-да-да да-да-да-да-да-да-да! Да-да-да-да! Да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да! А-а! А-а-а-а!

Стоило мне подумать, что это ещё за бомж с ржавыми трубами, как я понял, что звук исходил из двадцать четвёртой комнаты. Я слегка пожал плечами и открыл дверь без стука.

— Что? — увидев меня, Дзэродзаки прервал свой приступ радости. — Здравова, Побитый. — Он указал на меня пальцем. Я не отреагировал на это, вошёл в комнату и сел на диван.

— Привет, Человеческая ошибка, — сказал я.

Он положил микрофон и воспользовался пультом, чтобы выключить песню.

— Можешь петь дальше, если хочешь. Ты ведь платишь за всё?

— Нет, всё нормально. Если честно, я не особо тащусь от пения. И мне жуть как не нравится имитировать других певцов. Я делаю это только чтобы убить время.

Он сел так, чтобы видеть моё лицо, и глубоко вздохнул.

— Целый день тебя не видел. Но, знаешь, это так не ощущается.

— Хм, наверно, нет, — кивнул я.

Буду честным, я был удивлён. До самого конца я даже не думал, что Дзэродзаки будет здесь. Конечно, после нашего разговора позавчера — точнее, вчерашним утром, — мы договорились снова встретиться. «Я буду в караоке, так что давай встретимся там», — сказал он. Но я не думал, что он действительно придёт. Наверно, он думал о том же самом. И именно поэтому я пришёл, а он ждал здесь.

Смысл фразы «привык ждать»: здесь тоже есть оправданное противоречие.

После этого мы начали говорить о всяком, но ни одна тема не имела большого значения. Всё было как в ту ночь, когда наши пути впервые пересеклись.

Абсурдная философия, скучные факты о просветлении, неактуальные взгляды на жизнь. Порой мы съезжали с темы и обсуждали музыку («Угадай артиста одного хита») или литературу («Каким трюком можно по-настоящему увлечь читателя?»). Ничто из этого не имело смысла. Мы словно пытались что-то проверить.

— Скажи, Дзэродзаки, — сказал я примерно на четвёртом часу, — каково это убивать?

— Что? — спросил он, наклонив голову ко мне. Его лицо было пустым, будто он не думал ни о чём конкретном. — Это не то, из-за чего ты ощущаешь что-либо. Я не особо сильно ощущаю что-либо.

— Не ощущаешь? Ни чего-то хорошего, ни облегчения, ни чего-либо подобного?

— Послушай, придурок, я по-твоему кто, какой-то псих? — сказал он с большой долей снисхождения. Совершение ужасных убийств явно звучало как забавный способ не быть психопатом, но я решил выслушать его. — Потому что, понимаешь, всё так. Я как бы убийца. Но меня не назовёшь «убийцей из похоти». Это замысловатое различие нужно. Хотя мне на пользу не сыграет подобное заявление, если его озвучу я. Как итог, именно люди вокруг тебя решают, кто ты. Я могу лишь плыть по течению с этим. Видишь ли, я не фанат глубоких размышлений.

— Хм... да, наверно, нет. Хорошо, тогда давай я изменю свой вопрос: что для тебя убийство.

— Ничто.

Я мог найти два значения, зарытых в этом слове.

Оно ничего не стоило.

А потому оно ничего не стоит.

— А теперь вопрос для тебя, ПВ. Что для тебя смерть?

— У меня нет слов, когда у меня спрашивают это в лоб. Если бы я ответил, то я бы сказал, что смерть подобна батарейке, в которой кончился заряд.

— Батарейка? Типа как AA и прочие?

— Да. Ну, типа того. Наверно, можно сказать, что заряд атарейки как жизненная сила или что-то вроде этого. Из чего следует, что ты и твоё тело — диэлектрики.

— Мне прозвища и похуже давали, — сказал он, слегка посмеявшись. Похоже, он действительно получал удовольствие. Интересно, звучал ли я как он, когда я смеялся?

— Похоже, мой ответ был неоднозначным, — сказал я. — А что насчёт этого? Ты понимаешь, почему убивают другие люди?

— Что? Этот вопрос странный. Но почему-то он в твоём стиле. Посмотрим... нет.

— Ты не понимаешь? — спросил я.

— Ну, во-первых, я не понимаю других людей, точка. Убийцы они или нет, неважно, как и то, насколько злыми они могут быть. Во-вторых, я даже себя не понимаю. Я вообще не понимаю, что вызывает во мне весь тот хаос и удивление, крутящиеся во мне. Так что я могу лишь сказать, что я не понимаю людей, убивающих других людей.

— Я понимаю твою логику.

— Я могу добавить, что я никогда не стремился именно к убийству, — сказал он, будто это была запоздалая мысль.

— Что это значит?

— Ну, это слишком концептуально, но другими словами... ну, вот пример. — Он взял трубку телефона, стоявшего в комнате. — Простите, можно нам два рамена, пожалуйста?

Немного позже к нам вошёл сотрудник с раменом.

— Ешь. Я плачу, — сказал Дзэродзаки и взял немного рамена палочками. — Теперь это трапеза.

— Ага. Тебе даже не обязательно было говорить это.

— Говорят, что еда, сон и секс — три основных желания человечества. Но почему мы прямо сейчас едим?

— Чтобы впитать в себя витамины.

— Да. Без витаминов люди умирают. А потому еда приносит удовольствие. Спать приятно тоже, а секс... ну, это очевидно. Всё, что тебе нужно сделать, чтобы выжить, всегда приносит тебе удовольствие.

— Конечно. Это легко понять. И?

— Не торопи меня. «И? И? И?» Ты говоришь как чёрт Акутагава Рюносукэ.

— Что? Разве это не была фишка Дадзая?

— Она была у Акутагавы, чёрт возьми. Дадзай написал об этом в анекдоте об Акутагаве.

Неважно, кому из писателей она принадлежала, я решил снова сделать то, что мне сказали, и выслушать его. Он ненадолго замолчал, словно подогревая интригу.

— А теперь представим человека, одержимого едой. Другими словами, того, кто есть не только чтобы впитать в себя витамины, но и потому, что он помешан на ощущениях от поедания, самой красотой этого. На стимуляции вкусовых рецепторов. На удовольствии от того, как еда проходит через рот. На радости от жевания. На экстазе от ощущения того, как пережёванная масса проходит через горло. На ощущении сытости, почти уничтожающем его центр насыщения. На эйфории, охватывающей его мозг. Другими словами, я говорю о толстяке, — сказал он, смеясь. — Для него наличие или отсутствие витаминов совершенно не важно. Для него средств и цель поменялись местами, отчего его главная цель стала чем-то второстепенным. И вот тут твоя проблема. Можешь ли ты всё ещё сказать, что толстяк ест? Нет, не отвечай. Мы оба знаем, что единственный возможный ответ — «нет». Толстяк не ест.

Он просто поедает саму идую еды.

— А ты всего лишь убиваешь саму идую убийства? Как-то натянуто, — сказал я, пожав плечами. — Как-то неправильно пытаться приравнять естественную нужду есть к желанию убивать. Ты уверен, что у тебя самого приоритеты не поменялись местами? Возможно, ты путаешь убийство с чем-то ещё.

— Эх, а этот вопрос сложный. Тяжело сказать. Скажу ещё раз, чувак, само убийство никогда не было ни моим намерением, ни последствием моих действий. Ну знаешь, расчленение.

— Тогда каковы твои намерения, чёрт возьми? Чёрт, тебя тяжело понять.

— Не так сложно, как тебя. Точнее, я знаю, что меня сложно понять. Я только что сказал это. Да неважно, ведь поначалу я думал, что я занимался этим ради трепета.

— Трепета, — повторил я.

— Да. Ты ведь слышал о «высоком риске с высокой доходностью»? На япоскном, по-моему, говорят так: «Если не пойдёшь в логово тигра, то не видать тебе детёныша.» У убийства риски высоки, а результаты малы, да? Оно едва ли того стоит. Это глупо. Вот почему большая часть убийств почти всегда является случаями «превышения полномочий» или того, как «заходят слишком далеко». Они не пытаются убить человека, но они пошли и сделали это до того, как они это поняли. Однако...

Он вытащил весьма опасный на вид нож из кармана жилета.

— Вот это называют кинжалом. Ты держишь его в руке вот так. Я убил им своего первого человека, всадив его в сонную артерию и потянув его в сторону. Это убийство было необъяснимым. У меня не было конкретного намерения причинять тому человеку боль или страдания. Так-то этот способ умереть был довольно приятным, если спросить меня об этом. Сразу скажу, что этим никак не похвастаться. Я уверен, что ты знаешь это, но поступки, побуждённые гордыней, — наиболее жалкие из всех, что человек может совершить. Люди, гордящиеся причинением вреда, — низшие. Я лишь хвастаюсь своими недостатками. Правда, без шуток, это единственный вид убийств, который я могу совершить. Даже окгда я пошёл за тобой на другой стороне зеркала.

— Хм. И не говори.

— А я говорю. Типа, представим, что мы снова сцепились в бою насмерть. Конечно, с точки зрения логики вполне возможно, что ты можешь убить меня. Но в тот раз, когда ты мог убить меня, я мог убить тебя девять тысяч девятьсот девяноста девять раз. Ну, в реальности мы с тобой только по одной жизни, но это метафора. В любом случае я могу убивать только ради самого убийства. Другими словами, я могу заверить, что восемь человек, которых я убил до текущего момента, не стали жертвой меня, «зашедшего слишком далеко».

Восемь человек. За два дня счёт убийств вырос на два. Наверно, можно сказать, что Дзэродзаки жил своей жизнью, в то время как я жил своей.

— Значит, я идиот? Возможно. В конце концов, не похоже, что я что-либо получу от убийства этих людей. Хотя нет, наверно, я что-о из этого получаю. То, что у них в кошельках, — сказал он.

В деле бродяги пугало то, что деньги и ценности жертв крали. В таких делах подобные случаи,

когда убийства с виду совершались ради удовольствия или напряжения, были редки, но в случае Дзэродзаки ему нужны были деньги, чтобы продолжать жить в нищете.

Даже деньги, которыми он оплачивал караоке, наверняка были получены из кошелька одной из его жертв. Если смотреть на это так, то даже этот рамэн был осквернён грехом, подумал я, поедая свою порцию.

— Но ты мог бы получить всё это, просто работая на обычной работе, так что нет никаких причин совершать убийства. Если подумать о стараниях, вкладываемых в убийство одного человека, то становится намного логичнее просто провести день за работой где-нибудь. Но я всё равно выбираю убийство. И в этом заключается вся моя теория.

— А, я понял. Другими словами, для Дзэродзаки Хитосики риск и есть награда.

— Ага. Средства и цель не просто поменялись месами. Их объединили. Само действие — цель. А цель — действие. Действие завершается, когда ты достигаешь этой цели. В целом это не такая уж и плохая теория.

— Но чем это отличается от простой утраты цели или смысла? Это как парень, который любит читать, а потому он заполняет свою комнату книгами, пока он не будет зарыт в них. Но он всё равно продолжает покупать новые книги. При этом ему решать, покупать книги или нет, но у него их теперь столько, что он никогда не прочтёт их всех, даже если он посвятит этому всю свою жизнь. Но он всё равно продолжает покупать всё новые и новые книги.

— Хм. А-а-а, ага-ага-ага, понял-понял. Ты говоришь о пропускной способности. Как только ты превосходишь её, средства и цель становятся одним и тем же. Как говорил Исигава Гоэмон: «Замечательный вид, замечательный вид, даже тысячи кусков золота не хватит, чтобы заплатить за красивые виды весны. Я, Гоэмон, стою десять тысяч рё.» Хм. Да, как-то так, — сказал он, вздохнув и откинувшись на диване. — Но знаешь, мой чувак, даже если дело в этом, то это слабо относится ко мне. Знаешь почему? Потому что эта теория, о которой я говорил, в корне неверна. Риски равны награде? Какое-то дерьмовое равенство для меня. Я здесь просто прикалываюсь с логикой.

— Хм. Так к чему ты ведёшь?

— Ну, эта история слегка обычная, — сказал он, наклонившись вперёд. — Но вернёмся к детству, когда я был всего лишь мальчишкой. Ты ведь тоже был мальчишкой? Я тоже. Каким мальчишкой я был? Ну, я не был странным или кем-то в этом роде. Я даже верил в бога. Если меня били, то мне было больно. Когда я видел, как кого-то бьют, мне становилось больно. Чувствительность ко всему у меня была средняя. Я хотел дарить радость окружающим. Я знал благодарность. Я знал безусловную привязанность к другому человеку. Таким я был мальчишкой... Но иногда я просто сидел. Не читал книгу или смотрел телевизор, нет. Я просто сидел. Сидел, держа руками подбородок, а сознание было где-то там, в облаках. В какой-то момент я осознал, что во время этого я слегка естественным образом начинал думать о том, как убивают человека. Когда я впервые понял, что я делал, я сильно испугался. точнее, я просто размышлял над тем, как убить человека, будто это была самая обычная тема во всём мире. Страшнее всего было то, что я действительно был таким.

— То есть это нашёл ты ещё в детстве. Но где именно эта история должна быть обычной? Для меня она чересчур нетривиальна. Ты говоришь, что ты с самого рождения был склонен к убийствам?

— Я сказал, не торопи меня. Я и сам так думал, но дело вообще не в этом. Я думал, что родился с таким складом ума, с жаждой убивать. Но нет. Дело в том, что — именно здесь всё обыденно — я прикован к рельсам.

— К рельсам? О чём ты?

— Это метафора. Ты её часто слышишь. Люди ведь говорят о жизни на рельсах? Ты отучиваешься в средних классах, в старших классах, в университете, вступаешь в общество, поддерживаешь себя на плаву с помощью зарплаты, чтобы позволить себе любовницу, а потом ты уходишь из этого мира. Таков жизненный путь. Ну, я нахожусь на пути убийцы, а он схож с тем путём.

— Больше похоже на то, что ты сбился с пути.

— Как будто тебе об этом говорить. Тем не менее, это не важно. Путь, о котором я говорю, не обязательно тот, который прокладывается обществом. Им может быть и тот путь, который ты сам себе проложил. Типа, представь себе младшеклассника, одержимого Итиро. Он решает стать бейсболитсом. В тот момент он прокладывает себе путь.

— Ясно. То есть мы все на пути... за исключением тех, кто «отчисляется», полагаю.

За исключением тех, кого смертельно ранили.

За исключением тех, кто сходит с рельсов.

— Ага. Я не знаю, кто проложил мне этот путь. Может быть, я и сам сделал это. А может и кто-то другой. Но я точно знаю, что я на этом пути зашёл слишком далеко. Я зашёл очень далеко, не получив того смертельного ранения, и теперь меня ничто не останавливает. Я даже помыслить не могу о том, чтобы нажать на тормоза.

— Ага. То есть это просто продолжается и продолжается.

Другими словами, прямо сейчас он был в движении. А тот, кто в движении, полностью отличается от того, кто только начал идти по пути.

— Да. Это как проклятье из прошлого. И в моём случае оно медленно убивает меня. Наверно, скучно проживать жизнь, идя по пути, который кто-то проложил, но знаешь, нет особой разницы от того, кто его проложил, если тебе от него становится тошно на середине. Не то чтобы я мог уйти в этот момент. Уж слишком много нитей уже переплетено.

— И наверняка ещё сложнее не иметь кого-либо, кого можно винить.

— Верно. Особенно для изгоя вроде меня.

— Можно и сдаться. Может, с пути ты и не съедешь, но ты точно сможешь уехать подальше от правил.

— Правда? Ну, знаешь ли, ты и сам не мать Тереза.

— Но я серьёзный студент в университете. Я не как ты.

— Разве тебе не становится грустно, когда ты говоришь это? Это всё равно что посмотреть в зеркало и сказать: «Кто ты, чёрт возьми, такой?»

— Вот именно, — кивнул я.

— Тем не менее, именно по этой причине я не вижу в себе убийцу. Потому что убийство — не моя цель. Ты ведь слышал о людях, для которых «убивать так же легко, как и дышать»? Для меня дышать становится затруднительно, когда я не убиваю. Я просто плачу за проезд на пути, по которому я уже давно как еду. Или я будто постоянно выплачиваю кредит. Можно сказать, что я убиваю акт убийства.

— Для меня это уже становится чересчур идеалистичным и абстрактным. Не мог бы ты изложить это более реалистично?

— Не совсем. Точнее, мы ведь говорим о неопределённой концепции. Если ты изложишь её в реалистичных определениях, то разговор закончится фразой: «Я кого-то убил и расчленил восемь раз.»

— И то правда... — Я вздохнул и посмотрел на потолок. Разговаривать с Дзэродзаки было довольно интересно, и я даже узнал кое-что, наверно, но эта информация не была прямо полезной. — Хм. А я-то думал, что убийца вроде тебя будет наиболее способным понять сердце убийцы.

Возможно, ошибочно было это предполагать. В конце концов, образ действия Дзэродзаки и причина смерти Томо-тян были совершенно разными. Я и на секунду не поверил, что Сасаки-сан дала мне весь инсайд, но она хотя бы сказала мне, что Томо-тян задушили тонким куском ткани. В это же время Дзэродзаки резал людей ножом. Сходства начинались и заканчивались на том факте, что оба убийцы принесли своим жертвам смерть.

Дзэродзаки убивал людей случайно.

Убийца Томо-тян нашёл её. Скорее всего, это было следствием обиды. Чего-то, вышедшего из липких, склизких, мерзких межличностных отношений, которые были разорваны в клочья.

— Что? Зачем ты это говоришь? — сказал он.

— Ну, потому, что мою однокурсницу из университета недавно убили.

— Убили? Твою однокурсницу?

— Я так и сказал. Да, поначалу я хотел узнать, не ты ли сделал это, но это совершенно не сходится с твоим способом убийств. Он задушил её куском ткани.

— Ах, да, это не в моём стиле, — сказал он, гримасничая и размахивая руками.

— Так я и думал. Но я только вычислил, что одно чудовище поймёт другое.

— Ты ошибаешься. И эта ошибка так тебе подходит. Чудовища не убивают людей: это делают люди. И как люди не могут понять чувства чудовищ, так и чудовища не понимают чувств людей. Всё равно что сравнить утконоса с археоптериксом.

Я не знал, кто был утконосом, а кто — археоптериксом, но он наверняка был прав. Люди вроде Дзэродзаки были своеобразными и неблагополучными, и именно поэтому они были такими редкими.

— А что тогда произошло? — сказал он, будучи не особо заинтересованным. Подумав, что

незачем держать всё в секрете, я начал рассказывать ему всё, что я услышал от Сасаки-сан. Я рассказал ему о Микоко-тян, Томо-тян, Муими-тян и Акихару-куне и о вечеринке в честь дня рождения. Время от времени он делал короткие комментарии или качал головой, пытаясь уследить за ходами и поворотами истории, и один раз он засомневался.

— Хм, — сказал он, когда я закончил. — Ясно. Ясно-ясно-ясно. Так вот как всё прошло. И?

— Что «и»?

— «И» значит «и». — Он уставился мне в глаза. Я не ответил ему.

Это молчание длилось целый час.

— Хорошо, я понял, — сказал он в итоге, вставая. — Пошли.

— Что? Куда?

— В квартиру Эмото, — ответил он, как сказал бы хороший друг, приглашающий к себе повеселиться. После этого он вышел. Всё шло именно так, как я и ожидал, подумал я. Я встал с дивана и пошёл за ним, оставив полусъеденный рамэн.

5

— А что насчёт Аой? — апатично сказала Дзэродзаки, пока мы шли на запад по улице Сидзо. — Весьма очевидно, что она по тебе сохнет.

— Что? — Я не мог не удивиться этому внезапному повороту в нашем разговоре.

Уже было больше полуночи, наступил понедельник, шестнадцатое мая. Даже на улице Сидзо, главной дороге для движения с востока на запад, машины встречались редко. Мы прошли мимо группы студентов университета, возможно возвращавшихся домой после пьянки, но тротуары были по большей части пустыми.

Я понял, что завтра мне нужно будет идти на учёбу. Причём на первую пару. Причём на пару иностранного языка, на который всегда приходили. И виделось мне, что эту ночь я тоже проведу на ногах.

— Стоп, о чём мы там говорили?

— Об Аой, — раздражённ ответил он, нахмутив бровь. — Учитывая, что ты мне о ней рассказал, я думаю, что она наверняка запала на тебя.

— Быть того не может. Что могло побудить тебя додуматься до такой глупой идеи? Это даже не звучит как то, что ты сказал бы. У неё и так уже есть парень.

— Нет, у неё нет парня.

— Стоп, точно. — Если подумать, то она могла и не сказать мне ничего об этом. — Но я всё равно не думаю, что это важно. Точнее, я ей вроде как нравлюсь, но так же, как людям нравятся животные. И дажев таком случае она наверняка смотрит на меня, как на игуану или кого-то ещё из семейства рептилий. Ну знаешь, вроде: «О-о-о, он... как бы милый.»

— Как на игуану? Если ты игуана, то я тогда хамелеон, — сказал он и рассмеялся. — Как пример. — Внезапно он снова перешёл на серьёзный тон. — Она ведь знала твой адрес? Это очень подозрительно. Кто вообще будет искать адрес того, на кого даже не запали?

— Ей и не нужно было даже. Он был в журнале адресов группы.

— Вот как. Ты сам это сказал, чувак. Ты был в отпуске, когда занятия начались, и ты пропустил первую неделю своих... общих занятий? Неважно, какие занятия там были. Следовательно, твой адрес никак не могли записать в тот журнал.

— Хм.

А вот и оплошность. Я точно не помню, как я говорил кому-либо свой адрес, и это означало, что адрес моей развалины, которой был тот квартирный комплекс, никак не мог оказаться в том списке. В Рокумэйкан не было ни единой души, которая могла бы узнать, где я живу.

— Но Микоко-тян сказала, что нашла его в журнале адресов. Это было недопонимание? Но ведь такие недопонимания не случаются, не так ли? Может быть, она солгала мне.

— Эм, не столько соврала, сколько оправдалась. Она наверняка как-то раз проследила до самого дома.

— Если бы она шла за мной, я бы заметил.

— Может быть. В любом случае, она могла узнать твой адрес, пользуясь относительно незаконными способами. Она не могла сказать тебе правду, поэтому она вывалила чушь о журнале с адресами.

— Ага.

— А теперь подумаем об этом. Ты когда-нибудь встречал девушку, которая зашла бы так далеко только для того, чтобы узнать адрес какого-то случайного парня? Ты мог и не заметить парня, но речь у нас идёт о девушке. — Он сверкнул неприятной улыбкой.

Я выдохнул и посмеялся.

— Не делай вид, будто знаешь, что происходит.

— Что тут сказать? Это я.

— Но я действительно считаю, что ты в этом не прав. Это я знаю наверняка.

— Ну, чёрт со мной. И на что ты опираешься в своей уверенности?

— Ну, она ведёт себя так, будто ненавидит меня.

— Что? — Одного выражения лица Дзэродзаки было достаточно, чтобы стало ясно, что он не мог поверить в услышанное. — Да ладно, вспомни хотя бы то, что ты сам сказал. Ты только что сказал, что ты нравишься Аой, не так ли? Так зачем ты из-за этого сейчас жалуешься?

— погоди, это не противоречие. У меня в какой-то степени дуалистический или логический взгляд на мир. Хочешь, объясню? Другими словами... например, вот эти машины на дороге. Допустим, есть машина, которая едет со скоростью сорок километров в час.

— Да. Ты хочешь сказать мне, быстро это или медленно?

— Да. Как думаешь?

— Это медленно? В такой час можно и быстрее ехать.

— Ладно, а теперь представим, что та же машина едет на всей скорости. Я не знаю об ограничениях автомобилей, но давай просто скажем, что она едет со скоростью сто шестьдесят километров в час, на полной скорости. Это быстро?

— Для меня это быстро.

— А теперь представим машину в состоянии покоя. А с ней как?

Он беспокойно пожал плечами:

— Она в покое. Что тут ещё думать?

— Просто рассмеши меня.

— Ну, наверно, это медленно. Вряд ли можно вызвать то, что не двигается быстро.

— Верно. А теперь вернёмся к изначальному вопросу: сорок километров в час — быстро или медленно? Я бы ответил так: «Это на сорок быстро и на сорок медленно.»

— Вот как, — кивнул он, будто я его убедил. Щека на татуированной части его лица приподнялась от лёгкой ухмылки. — На твой взгляд, что Аой думает о тебе?

— Ну, примерно говоря, я ей нравлюсь на сто десять и не нравлюсь на восемьдесят. Примерно.

— Полагаю, это не складывается, что ты ей нравишься на тридцать.

И вправду. Логика арифметических операций неприменима к человеческим эмоциям. К тому же эти числа были склонны к колебаниям, что усложняло эти расчёты. Их можно изложить только приближёнными значениями.

— Хорошо, а что насчёт тебя? — спросил он.

— Что?

— Ты. Как сильно тебе нравится и не нравится Аой?

— Она нравится мне на ноль и не нравится на ноль.

— Ух ты... — От удивления он сделал шаг назад. — Боже мой, чувак... ты жёсткий.

— Продолжай.

— Сжимай давай, капитан Пассив.

Она мне нравилась на ноль и не нравилась на ноль. Это можно назвать апатией.

Конечно, мои слова могут быть слегка преувеличены и пропитаны апатией, но это не означало, что я не говорил правду.

Ибо в итоге я такой холодный, сухой человек, что я лишь своей жизнью могу убить человека. Конечно, я был таким же жёстким, каким Дзэродзаки выставлял меня. Я просто не мог предпринять никаких настойчивых действий ради незнакомца.

— Это точно...

— Точно.

— Шедерв, — сказал Дзэродзаки, смеясь.

— Бессмыслица. — Я не смеялся.

— Ну, если убрать все заковыки из методички, то ты ни в кого не втюрился?

— Хм. Я не знаю.

— Даже если речь идёт о твоих эмоциях?

— Потому что это мои эмоции.

— Ах, понимаю. Потому что ты пассивный наблюдатель. Ты других людей понимаешь лучше, чем самого себя. Полагаю, тебе говорят, что ты не можешь наблюдать за самим собой. Как та штука... как она называлась? Принцип неопределённости? Квантовая механика? Кот Доппельгангера?

— Вряд ли «Доппельгангера» верно.

— Ах, кто же это был? Это математика, значит, это точно немец, но...

После этой, мягко говоря, скенофобной ремарки он сел и целую минуту думал. Но в итоге он не смог вспомнить, кому принадлежал кот.

— Чёрт возьми, — сказал он, отвесив себе пощёчину по левой щеке. Похоже, она его слегка взбодрила. — Ну, вот мой вывод: позиция твоя крайне дерьмовая.

— Возможно, это верно. Но...

Но.

Что я намеревался сказать после этого? Может, я хотел сказать чьё-то имя? Конечно, да. Но я не знал, чьё же имя.

— Это всё бессмыслица в общем счёте.

— Эм, это должна быть твоя отходная фраза? — Он драматично опустил всю верхнюю часть своего тела, будто мой невероятно задержавшийся ответ выбил из него всю дурь. Похоже, у Дзэродзаки, как в той же степени и у Микоко-тян, такая же страсть к преувеличенным реакциям. — Эм, опять же, я как бы тоже такой же. Точнее, я прям такой.

Мы дошли до перекрёстка улиц Нисиодзи и Сидзо. На юге была видна станция Ханкю Сайин. Конечно, последний поезд уже давно как уехал и остановился, а область рядом со станцией давно как пустует. Мы свернули на север. Если продолжим идти в сторону Марутамати, то дойдём до квартиры Томо-тян.

— Наверно, не стоило не заказывать такси. Мы лишь полпути прошли.

— Это пустая трата денег. К тому же у меня нет денег. Или ты собирался заплатить?

— Нет. Во всём Киото нет ни единого студента, который катался бы на такси.

— Хм. Я не студент, так что без понятия.

Внезапно я засомневался. Я задумался о строгом взгляде Сасаки-сан, которым она смотрела на меня, пока я задавал Дзэродзаки свой вопрос:

— А ты числишься в списке самых разыскиваемых или типа того?

— Не думаю. Никто вообще не пробовал заговорить со мной и не следовал за мной, хоть я и следовал за другими, — похвастался он.

Меня впечатлило то, что кто-то может так выделяться — у него ведь татуировка на пол-лица; наверно, такое принято в Токио, но он единственный такой в Киото — и при этом не оказаться за решёткой. Но опять же, если подумать об этом, то в этом деле, скорее всего, неважно, вделяется он или нет.

— Так мы всё-таки идём в квартиру Эмото? Но...

— Что?

— Ты ведь уже к этому моменту мог вычислить, что произошло? Ну знаешь, кто убийца и прочее.

— Вычислить? — повторил я это слово. Мог ли я действительно додуматься до ответа, опираясь только на то, что я уже знал?

— Мне жаль разочаровывать тебя, но я не шучу, когда говорю, что я действительно плохо понимаю, что произошло. Я ведь не какой-то там мистерийный или киношный...

Детектив.

Красноволосая частница.

— Детектив.

— Ну, конечно же, нет, — удивительно прямо сказал он.

— Но я, наверно, так же не шучу, когда я говорю, что не думаю, что это за гранью моих способностей. Её задушили. В комнате. Примерное время смерти даёт крайне малое окно. У всех подозреваемых есть алиби. Нам нужно лишь ещё несколько улик.

И так уж вышло, что у меня сейчас есть Кунагиса, занимающаяся именно этим. Да и я сам собирался сделать то же самое.

— А может ли так быть, что это было всего лишь случайное ограбление?

— Ну, технически это возможно, но полиция не считает, что это имеет место быть.

В Кадзухито-сане и Сасаки-сан было что-то крайне необычное. Сложно было поверить, что

именно их отправили, чтобы просто разобраться с делом о проникновении или убийстве. Конечно, это была лишь моя догадка.

Дзэродзаки лениво опустил глаза:

— Но я не думаю, что тебе правда нужно сходить со своего пути, чтобы что-то раскрыть. Есть какое-то логическое объяснение этому?

— Не особо. Послушай, никто не заставляет тебя идти со мной. Почему бы тебе не пойти и зарезать ещё нескольких человек?

— Нет, мне и так нормально. Сегодня я не в настроении. — Он воспринял моё предложение в штыки. — К тому же именно я предложил пойти туда.

В это ж время мы дошли до жилого комплекса Томо-тян. Скорее всего, полиция уже осмотрела его, оставив после себя место такое же пустое, как и та станция. Мы прошли через автоматическую дверь в основной вестибюль.

А теперь.

— А, точно. Нам нужна ключ-карта для автозамка, чтобы войти.

— И что теперь?

— Вот что мы сделаем. — Я сделал шаг вперёд и нажал на случайный номер комнаты на интеркоме.

— Алло?

— Эм, это человек из комнаты триста два. Простите за беспокойство, но я вышел из своей комнаты без своей ключ-карты. Не могли бы вы открыть дверь для меня?

— О, конечно.

Стеклянная дверь открылась с щелчком.

— Спасибо, — сказал я незнакомцу, и мы с Дзэродзаки быстро вошли в здание.

— И тебе не стрёмно так врать? — спросил он.

— Что тут сказать? Я такой.

Мы вошли в лифт и поднялись на шестой этаж. Идя по коридору на шестом этаже, я вытащил из кармана тонкие белые перчатки и надел их.

— Не хочу, чтобы стало неловко, но... ты всё это время ходил с этими перчатками?

— Ага. Я всё продумал.

— Ух ты, — сказал он, вытаскивая свою пару перчаток из кармана жилета. Он надел их вместо беспальцевых перчаток, которые он носил. Конечно, кто-то вроде него наверняка каждый день просто так носил с собой перчатки.

Мы дошли до двери квартиры Томо-тян. Когда я подёргал ручку, дверь не поддавалась, как я и

думал.

— И как мы по-твоему разберёмся с этим?

— Вообще я не думал об этом. Есть идеи?

— Понял, — проворчал он, вытаскивая тонкий нож из другого кармана жилета. Хотя нет, этот предмет было точнее назвать дрелью. Он воткнул его в замочную скважину. Он вращал им вправо и влево, пока мы не услышали щелчок. Затем он вытащил нож, покрутил его в руке и убрал его обратно.

Он повернул ручку.

— Открыто.

— Это ведь не безопасно?

— Вообще нет. Убийца может быть везде.

Мы пожали плечами и всё равно вошли.

Мы прошли по коридору между кухней и ванной и вошли в комнату за дверью в конце коридора. Комната особо не изменилась с субботней вечеринки. На вид некоторые вещи слегка подвинули, но это явно была заслуга осмотра места преступления.

Ещё был центр комнаты. Белые полосы изоленды образовывали фигуру человека.

— Ничего себе, — с благоговением сказал Дзэродзаки. — Так они это действительно делают. Прямо как в сериале или манге. Эй, да у этой Эмото телосложение было примерно как у меня.

— Похоже на то.

Томо-тян была довольно маленькой, даже для девушки. Но Дзэродзаки был невыносимо худым парнем. Размеры у них не были одинаковыми, но они бы без проблем смогли поменяться одеждой.

— Так уж вышло, что я предпочитаю высоких девушек, — сказал он.

— Правда?

— Ага. Но ведь высоким девушкам не нравятся низкие парни?

— Но среди твоих шести жертв не было ни одной высокой девушки.

— Да кто будет резать девушек, которые в его вкусе, направо и налево, придурок? — разозлился он. Похоже, я задел неприятную тему.

Тем не менее.

Мой взгляд снова упал на ленту на полу. Томо-тян вроде как задушили, после чего она упала на пол здесь, в выделенной позиции. Но эта лента едва ли описала реальность произошедшего.

Я обернулся и увидел, как Дзэродзаки тихо молится. Он закрыл глаза, его руки сжаты

сложены перед его грудью.

Я немного подумал, прежде чем сделать то же самое.

Затем я снова начал осматривать всё вокруг ленты.

— Хм.

На правой ладони человеческой фигуры было что-то. Было темно, я не мог хорошо разглядеть это, но мы и не могли просто пойти и включить свет. Я смог разглядеть там маленькое кольцо из чёрной ленты.

Похоже, это какая-то метка, которую сделали во время расследования.

— Что это? Может, здесь было что-то?

— Нет, приглядишься, — сказал Дзэродзаки, садясь на корточки рядом со мной. — Здесь что-то написано.

— Чёрт. Было бы у нас больше света.

— Просто подожди ещё. Твои глаза скоро адаптируются.

Может показаться, что у нас полно времени, но прямо сейчас это был единственный выбор.

Через некоторое время мои глаза начали адаптироваться к темноте.

Тонкий ковёр. На его поверхности были красные буквы.

— х больше у? — сказали мы.

Буква х была написана скорописью. Затем шла диагональная линия под ней. Буква у была написана так же. Написаны эти буквы небрежно, поэтому нужно было постараться, чтобы что-то разглядеть. Но не похоже, что могли написать что-то другое.

— Что это значит?

— Самому интересно.

— Надпись красная, потому что она написана кровью?

— Нет, больше похоже на масляными чернилами.

Странная надпись рядом с правой кистью жертвы. Могла ли она быть её предсмертным посланием?

— Но мы ведь не знаем наверняка, что это правая кисть. И просто смотря на ленту, мы не можем сказать, лежало тело лицом вверх или вниз.

— Да, точно. Но Дзэродзаки, я не думаю, что она смогла бы написать это, если бы она лежала лицом вниз. Да и надпись могла и не она написать.

— Да, верно. Ещё есть вероятность того, что её оставил убийца. Так что же значит «х больше у»? Математика? Но это не уравнение. Дальше этого эта зацепка не уйдёт.

— Может, тот, кто написал это, не закончил.

— Если всё было так, то мы наверняка упёрлись в тупик. Я даже представить себе не могу, чего этим добивались, — сказал он, подходя к углу комнаты, и съехал по стене вниз. — Спать хочется. — Он громко зевнул. — Что-нибудь нашёл?

— Сам факт того, что это послание могло и не быть её, считается уловом. А теперь...

Я глазами осмотрел комнату. Следов борьбы не было. Насколько я вижу, ничего не пропало и не сломано.

— Да, не думаю, что это было просто ограбление, — сказал я. Может, причиной стала обида? Но что могла сделать девушка, которого два дня назад исполнилось лишь двадцать лет, такого, чтобы вызвать столько ненависти?

Я продолжил осматривать комнату и думать. Конечно, полиция наверняка уже всё тщательно осмотрела, но сейчас было необходимо осмотреть место преступления своими глазами, чтобы заполнить пробелы в своём воображении.

— И что теперь? — спросил Дзэродзаки, смотря на то, как я хожу по комнате. Судя по нему, он не собирался мне помогать. Не то чтобы я ожидал, что он хоть что-то сделает. Я не настолько идеалист, чтобы ожидать чего-либо от простого отражения в воде. — Кажется, что ты этим наслаждаешься.

— Ну, у меня есть опыт.

— Что двадцатилетка мог испытать в своей жизни, чтобы это его как челвоека сломало? Представить сложно, — сказал он.

— Тебе бы говорить об этом. Но, наверно, я всё равно рассмешу тебя. Ты мог бы сказать, что я прожил не самую почтенную жизнь. Хотя нет, моя жизнь была весьма почётной, но не я сам.

— Хм. Знаешь, я сам себе не особо нравлюсь, — сказал он мне в спину. — Но смотря на тебя, я понимаю, что у меня не всё так плохо.

— Прямо с языка снял. Может, я и раздолбай, но я не такой же плохой, как и ты. Смотри на это так, я чувствую некое облегчение.

— Любопытно.

— Любопытно.

— А скажи... так почему люди убивают? — спросил он.

— Потому что ты убиваешь их.

— Ну да, но я имел ввиду случай в вакууме. Эм, как оно там называлось? Апоптоз? Дарвинизм? Гены? Раковые клетки? Клеточная гибель? Всё это вот. Похоже на точку завершения нашей функциональности.

— Вроде как я как-то слышал, что человек может дожить примерно до ста лет, независимо от эпохи и региона.

— Хм.

— Точнее, дело в том, что видов живых существ много. Но при этом неважно, проживёшь ты долгую или короткую жизнь. Я вообще не думаю, что есть смысл жить двести или триста лет. Я уже прожил девятнадцать лет и два месяца, но вскользь. И мне хватило.

— Ты устал от этого? — спросил он.

— Скорее, похоже на то, что я больше не могу это терпеть. Пока что я ещё в порядке, наверно, но если всё так и дальше продолжится... да, в ближайшие два или три года моя способность воспринимать реальность достигнет своего предела.

— Но разве это не одна из тех вещей? Я могу поставить на то, что ты думал точно так же в четырнадцать лет, смекаешь? Вроде: «В ближайшие несколько лет я, возможно, наложу на себя руки.»

— Да, я думал об этом. Но мне яиц не хватило, чтобы сделать это.

— Курица.

— Ага-ага. Я всегда хотел быть птицей.

— Но не курицей, полагаю. Они даже летать не умеют.

— Я шучу. Но я думаю так: во всём мире нет ни единого человека, который прожил десять или двадцать лет и не думал о Боге и смерти при условии, что он не какой-нибудь беззаботный долбан.

— О Боге и смерти?

— Да. Но прежде чем лицезреть всё это, он должен познать дизнь. Некоторое знание о жизни необходимо, чтобы лицезреть смерть, так что нужно пожить, прежде чем вообще начать думать о том, что рано или поздно она кончится. Как в той поговорке: «Если хочешь кого-то убить, то твоя жертва для начала должна быть живой.» Сколько бы усилий я не приложил, я не смогу убить Джона Леннона.

Как и не смог бы убить Эмото Томоз.

— А теперь скажи мне, Дзэродзаки. Каково это быть живым?

— Чувствовать, как твоё сердце бьётся? — сходу сказал он.

— Неправильно, — ответил я. — Выказывать признаки жизни и быть живым — не то же самое. Но если это не учитывать, то что если бы существовал человек, испытавший смерть перед жизнью? Каким бы человеком он стал? Смогли ли бы мы назвать его человеком? Живое существо, способное вспомнить свою смерть, оплакивавшее её ещё до начала самой жизни. Как мы назвали бы такое существование?

— Наверно, это была бы сама Смерть. Должна быть, иначе... — Его глаза двигались будто в поисках правильных слов. Он указал пальцем на меня со странным выражением лица. Он ничего не сказал. Наверно, они и не нужны были.

— Эх, снова что-то о сознании, которое превышает материи, — предположил я.

Фраза для соскальзывания с темы.

— Скажи мне. Знаю, я уже спрашивал это, но есть у тебя причина, из-за которой ты пустился во всё это — ну знаешь, незаконно войти в её квартиру, не говоря уже о том, что ты вроде как должен был быть кем-то вроде пассивного наблюдателя — ради простого сбора информации об убийстве?

— Да, есть, — ответил я. Я собирался сказать «нет», но по какой-то причине из моего рта вылетело согласие. Я не был уверен в том, что именно я хотел сказать.

— Хм... ты сам сказал, что тебе ни не нравится, ни нравится Аой, помнишь? Тогда зачем ты должен делать что-либо ради неё? И мне кажется, что с теми тремя ты встретился лишь через неё, как с придатками.

Он хлопнул в ладони, будто он только что созрел.

— Это ради Эмото Томоз?

Томо-тян.

Трагичная фигура, жестоко убитая сразу после празднования собственного дня рождения.

В обычных условиях это не тронуло бы меня. Если бы на другом конце мира голодающих детей расстреливали, то я ничего бы не подумал об этом. Если бы в какой-нибудь далёкой стране какое-то огромное землетрясение убило десятки тысяч человек, я бы ничего не почувствовал. Мне не было важно, произошла в этом городе серия убийств или нет. Я в душе просто не был таким; было несложно представить, что я не почувствовал бы большую грусть или отчаяние из-за смерти даже ближайшего знакомого.

Однако, всегда были исключения.

— Я надеялся, что я смогу ещё чуть-чуть поговорить с Эмото Томоз.

Дзэродзаки не ответил.

— Видимо, на этом всё.

— Ясно, — кивнул он. — Ну, что бы там ни было, у нас тут определённо шедевр.

И вправду, он был явно прав в том, что у меня не было никакой веской причины лезть во все эти неприятности. И я явно не был кем-то другим, но это и не похоже на меня.

Я понял, что я был глуп. Я просто не думал о том, что я не прав.

Дзэродзаки снова зевнул

— Если ты заскучал, то можешь идти.

Иначе говоря, проваливай.

Но он покачал головой:

— Да ничего. Кстати, как ты собираешься без меня закрыть дверь?

— Вообще у меня есть одна из тех штук, которая позволяет закрыть дверь без ключа.

— Какое-то бесполезное устройство.

Конечно, я шутил.

Вскоре Дзэродзаки закрыл глаза и начал засыпать. Я будто на своё сонное лицо смотрю, что было странно, неестественно, мягко говоря. Я продолжил осматривать комнату Томо-тян до четырёх часов утра, но не нашёл ничего, что можно было бы назвать нормальной зацепкой.

— Но...

Наверно, это всё равно было неважно. Так-то по ходу дела я полностью утратил желание искать улики и оставшееся время провёл за созерцанием контура человека из ленты.

И я вспомнил. О том времени, что я провёл на вечеринке в субботу. О той бурной, нелепой ночи, во время которой мы оставили в стороне логику и здравый смысл.

Если бы мне позволили сказать что-то слегка романтическое, то это, возможно, было бы в форме воспоминания о Томо-тян. Теперь это, конечно, было не в моём стиле, но в то же время это было достаточной причиной.

— Ладно, пошли.

— Удовлетворён? — спросил он.

— Да.

— Хорошо.

Мы покинули здание, а затем мы с Дзэродзаки разошлись. Мы ничего не сказали друг другу напоследок и не собирались снова встретиться.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/3994998>